

ИРИНА ЛАВРИКОВА

Осмысляя феномен устной истории

История должна быть школой политики и нравственности.

*Г.-Б. Мабли. Об изучении истории.
О том, как писать историю*

«Устная история» (русский аналог английского выражения «oral history», прочно утвердившегося в научной литературе) — явление, которому в рамках современного культурфилософского анализа, как представляется, не уделено должного внимания. Более того, этот феномен лишь недавно был выделен как объект самостоятельного изучения. В процессе его осмысления необходимо дать ответы на ряд вопросов. Во-первых, следует определить, какое иерархическое значение занимает «устная история» в структуре памяти. Во-вторых, необходимо провести сравнительный анализ феномена, сопоставив его с теми элементами этой структуры, которые на сегодняшний день изучены достаточно хорошо, — прежде всего в сфере фольклора и ритуала. В-третьих, следует выяснить, чем определен обще-

ственный интерес к устной истории. Ниже мы попытаемся это сделать.

Устная история: основные концепции

Начнем с характеристики существующих определений различных типов памяти, которая на разных уровнях проявляется как национальная, коллективная или социальная. По мнению М. А.-Х. Салефа, *национальная память* — это «пласт коллективного сознания, включающий в себя материальные и идеальные компоненты... и общую историю со всеми ее счастливыми и трагическими событиями». Исследователь настаивает на том, что этот вид памяти необходимо рассматривать как объективную необходимость, освобождая ее от фантазмов, мифов и событий, происходящих только в воображении тех, кто

ЛАВРИКОВА Ирина Николаевна — научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики» Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, доцент, кандидат философских наук.

Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России, соглашение №14.В37.21.0967 от 07.09.2012».

Ключевые слова: устная история, Россия, власть, общество, исторические исследования, кризис сознания, феномен памяти, коллективная память, социальная память, национальная память, национальная идентичность.

к ней обращается. «Это означает попытку сохранения прошлого без его деформации, искажения или надления его нашими вымыслами»¹.

Под *коллективной памятью* принято понимать «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем», при этом «в социуме фигурирует и конкурирует несколько версий прошлого». Исследователь Е. Г. Трубина полагает, что «коллективная память тесно связана с формированием индивидуальной и коллективной идентичности, проблемами легитимности политических режимов, идеологического манипулирования, с моральными аспектами прошлого»². Вероятно, последнее заставляет выделить отдельный самостоятельный ее элемент памяти, который и является устной историей. При этом последняя выступает как своего рода индикатор: индивидуальной и коллективной идентичности, легитимности политических режимов, идеологического манипулирования, моральных аспектов прошлого.

По мнению А. Левинсона, «выходящая на общественную арену социальная группа или сила, как правило, приносит с собой собственную трактовку общего прошлого». При таком подходе «выдвижение на первый план какого-либо события тесно связано с забвением других событий, относящихся к обществу в целом или к данной группе. Память данного коллектива (группы, силы) возобладает в общем социальном дискурсе в случае, если данный коллектив будет доминировать»³. Следовательно,

можно говорить о неустранимости из социального сознания иных, чем доминирующие, явлений прошлого, которые в не меньшей мере имеют право на существование и поддерживаются «носителями» недоминирующего уровня. Получается, что формы восприятия и регламентации устной истории становятся одним из факторов равноправности разнообразия «образов прошлого», законности и конкурентности их существования при моделировании последних.

При этом перед учеными возникает задача разработать механизмы или методики, позволяющие определять степень соответствия так называемого образа прошлого самому прошлому. Признавая «знаки» устной истории как информацию, уравненную в своих правах наряду с другими источниками знания о прошлом, они должны адаптировать имеющиеся методики «считывания» уходящей «натуры» к тому, что приносит устная история.

Однако вернемся к разговору о точках зрения, сложившихся в литературе применительно к трактовке феномена памяти. Переходя к характеристике феномена *социальной памяти*, напомним, что согласно М. Хальбваксу «память как доступ к реальностям прошлого весьма ненадежна, но, тем не менее, она образует основу социального порядка». Автор настаивает, что «вся социальная мысль есть, по существу, память», по его мнению, ни одно общество не может жить без «коллективного фонда воспоминаний», ибо социальные институты «удерживаются вместе ничем иным, как коллективными воспоминаниями»⁴.

В то же время, по мнению Б. С. Илизарова, «социальная память, отражая в общих чертах историю развития

¹ М. А.-Х. Салех. Национальная память. — «Глобалистика». М.; СПб.; Нью-Йорк, 2006. С. 599.

² Е. Г. Трубина. Память коллективная. — «Социальная философия». М.; Екатеринбург, 2006. С. 328—331.

³ Там же. С. 328, 329.

⁴ Цит. по: Е. Г. Трубина. Память коллективная. С. 329.

памяти индивидуальной, имеет собственные принципы организации и воспроизведения». И далее: «реконструктивная форма социальной памяти характеризуется целенаправленным использованием знаковых систем как основных средств для сохранения и восстановления прошлого опыта в идеологических, познавательных и дидактических целях. Реконструктивную форму памяти следует считать произвольной, т. е. такой, которая активно направлена на запоминание и восстановление важных с точки зрения данного общества и господствующих классов фактов и явлений»⁵.

Очевидно, что, изучая устную историю, мы не можем исключить из ее природы политико-идеологическую составляющую. Устная история не может «избежать» идеологического заказа, а следовательно, и контроля со стороны институтов власти. В таком случае перед историками как профессиональными «конструкторами» реалий прошлого ставится задача по «очищению» информации не только от личного, субъективного, но и от идеологического, заказного. Действительно, если ранее акцент делался на субъективизме информатора, на личных качествах рассказчика, определяемых воспитанием, образованием, степенью политизированности и пр., то теперь этот акцент необходимо смещать, и мы говорим об этике «сборщика» информации, то есть об ученом, его морали и нравственности.

Фактически, устная история становится индикатором нравственности ученого: нельзя сбрасывать со счетов ответственность не только перед его современниками, но и перед потом-

ками. При этом важно не забывать, что на определенном этапе общественного развития, когда историческое сознание общества приобретет «большую хронологическую глубину и системную целостность»⁶, сам механизм сбора информации о прошлом, в том числе и в формате устной истории, может стать сюжетом для оценки общественного состояния и его моделирования: само оценивание подвергнется оцениванию.

Обратим внимание на факторы, которые, по мнению Б. С. Илизарова, ведут к разрушению общественной памяти: «...следует различать стихийные, нежелательные процессы дезорганизации социальной памяти — “общественную амнезию” — и осознанные действия, направленные на “забывание” малозначимой ретроспективной информации»⁷. Разумеется, феномен устной истории как структурный элемент памяти общества также не защищен от вышеуказанных процессов. Ученым-историкам крайне важно учитывать этот момент, «снимая» погрешности моделирования, которые возникли в результате их воздействия. Действительно, понимая причину, легче бороться с ее последствиями.

К факторам, ведущим к дезорганизации общественной памяти (а в нашем случае и к символам устной истории), Б. С. Илизаров относит естественное старение носителей информации, уничтожение носителей информации в результате стихийных бедствий, войн, падения уровня культуры, идеологической борьбы. По мнению исследователя, общество, потерявшее социальную память, «перестает ощущать себя субъектом истории, так же как отдельный человек, потерявший память, теряет свою лич-

⁵ Б. С. Илизаров. Память социальная. — «Российская социологическая энциклопедия». М., 1998. С. 366—367.

⁶ Там же. С. 367.

⁷ Там же.

ность, свое «Я»⁸. Все сказанное выше о социальной памяти в полной мере проявляется и в формате устной истории.

Определяя природу и функциональные особенности феномена устной истории, необходимо отметить и еще одну уникальную его функцию, которая планомерно следует из функции социальной памяти. До сих говорилось главным образом о сохранении и упорядочении информации, тогда как роль социальной памяти, а следовательно, и устной истории специально не рассматривалась. Между тем память, о которой идет речь, способствуя воспроизведению информации, выступает в качестве фактора ее актуализации. В данном случае можно говорить и о такой функции устной истории, как актуализация информации о прошлом.

По этому поводу Илизаров отмечает, что «все объекты, включаемые в социальную память, приобретают... потенциальную возможность быть актуализированными. Но фактическое их воспроизведение в новых исторических условиях детерминировано идеологией и нуждами общественно-политической практики»⁹.

Итак, во-первых, если мы создаем описание инновационной технологии в виде устной истории, то уместно воспользоваться механизмом трансляции «живых» мемуаров современников средствами массовой коммуникации.

Во-вторых, по тому, как общество, благодаря вышеперечисленным средствам, реагирует на получаемые знания (речь идет об освещении определенного исторического события, при этом возьмем наиболее популярный случай, когда заказ на исследование события сделан органами власти), ученый может судить о степени

значимости этой информации для общественного большинства; полагаем, что общественную оценку такого рода профессиональный историк игнорировать не может, для него этот факт — факт общественной оценки-реакции, будет крайне интересен.

В-третьих, устная история — это один из тончайших механизмов формирования сознания тех, кто «поглощает» продукт устной истории. Именно поэтому историк максимально ответственен за оценку события в прошлом: становясь как бы «проводником» прошлого (он находит источник информации, оценивает значимость сказанного, способствует популяризации сказанного информатором-очевидцем события и пр.), ученый, особенно признанный, становится своего рода гуру, учителем, формирующим социальное сознание своих современников.

Если мы апеллируем к социальному сознанию, то для полноты картины исследования необходимо обнаружить суть исторического сознания, которое, являясь сложным духовно-смысловым образованием, обеспечивает «переработку и трансляцию социокультурной и событийно-национальной информации из прошлого в настоящее, опосредуясь будущим, так как человек живет одновременно в прошлом, настоящем и будущем»¹⁰.

Исследователь А. А. Королев утверждает, что в сознании современных поколений выявляются «кричащие противоречия, разнонаправленные тенденции. В частности, разрыв между формирующимся планетарным сознанием... и десакрализацией сознания подрастающих поколений. На поверхность всплывают архетипы агрессивно-анархического сознания...

⁸ См. там же.

⁹ Там же.

¹⁰ А. А. Королев. Историческое сознание. — «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». М., 2001. С. 99—101.

Крушение идеалов, “промывание мозгов”, в первую очередь электронными СМИ, атрофируют боль, подавляют волю к сопротивлению... В связи с этим отмечаются участвовавшие факты вандализма, садизма, немотивированной жестокости. В кризисных явлениях важное место приобретает процесс самоидентификации общества, причастности этноса к историческим судьбам страны»¹¹.

В этих условиях совершенно необходимо задействовать возможности электронных СМИ с целью популяризации представителей «живой истории». Отметим, что в отечественной практике появляются СМИ такой направленности — скажем, всероссийский проект «Наша общая Победа»¹². Избрание событий Великой Отечественной войны в качестве объекта рефлексии кажется вполне обоснованным: до сих пор праздники 9 Мая, Дня Победы с особым уважением воспринимаются молодежью¹³. Атмосфера воздействия на формирующееся сознание неопределима по своей значимости: живые представители событий доносят нечто такое, что вызывает особо трепетное отношение к поколению, которое с достоинством вынесло на своих плечах тяготы и трагедии военного времени. Тогда, в условиях страшной войны, судьба каждого стала неотъемлемой частью судьбы страны, а последняя — судьбой каждого; и этот «каждый» влиял на исход события национального масштаба. Природа праздника Победы такова, что у представителей нации появляется возможность прочувствовать момент всенационального единения, а это важно в период

кризисов и масштабных общественных реконструкций.

Устная история, фольклор и ритуал: сопоставительный анализ

Сказанное позволяет понять, что сближает устную историю с такими элементами структуры памяти, как фольклор и ритуал. Прежде всего, подобно устной истории, и фольклор, и ритуал используются любым обществом для трансляции определенной информации. Далее, в случае и фольклора, и ритуала речь идет о ее передаче из прошлого в настоящее и будущее; при этом оба передают опыт национального, но не локального, масштаба, причем фольклор предполагает особо активное использование форм вербального общения.

К этим замечаниям можно добавить целый ряд дополнительных соображений. С точки зрения социологической¹⁴, фольклор как особый феномен культурной жизни вбирает в себя самые различные аспекты народной культуры. При этом он распространяется на такие явления, как словесность, народная поэзия, устно-поэтическое народное творчество и т. п. (и в этом состоит его расширительная функция). Кроме того, к нему относится вся совокупность словесных, словесно-музыкальных, музыкально-хореографических, игровых и драматических видов народного творчества (преобладающая функция). Наконец, фольклор выступает как социально обусловленная и исторически развивающаяся форма творческой деятельности народных масс, характеризующейся системой специфических признаков: коллективность творческого процесса, уст-

¹¹ Там же. С. 100.

¹² См. www.41-45.su/

¹³ См.: **И. Лаврикова**. Политический праздник в системе культуры. Тверь, 2012; «Политический праздник: культурфилософская интерпретация». Saarbrücken, 2012.

¹⁴ См. **В. Е. Гусев**. Фольклор. — «Российская социологическая энциклопедия». М., 1998. С. 596—597.

ность передачи, традиционность, полиэлементность, полифункциональность — то, что не отождествляется с массовой культурой — то, что противостоит массовой культуре в качестве формы творческой деятельности (обобщающая)¹⁵.

С точки зрения культурологии¹⁶ фольклор, в широком смысле, представляет собой всю народную традиционную крестьянскую духовную и отчасти материальную культуру; в узком же смысле под ним подразумевается устная словесная художественная традиция. Последнее несомненно сближает фольклор с феноменом «устной истории». Вместе с тем четко выраженное в фольклоре художественное начало выступает в качестве фактора размежевания двух явлений. При этом практически во всех определениях культурного явления фольклор характеризуется своей «простонародностью», что не в полной мере свойственно устной истории: прежде всего, это наука с вполне определенными требованиями к отбору и формам представления информации. Далее, фольклор всегда существует в контексте народной бытовой культуры, тогда как устная история не может носить бытовой характер, она не равнозначна истории быта.

Кроме того, современная фольклористика, познавая общие закономерности развития фольклора, «не может не считаться с тем, что он воспринимается самими народами как драгоценное для них выражение этнической специфики, духа народа»¹⁷. Между тем мы можем моделировать реалии прошлого определенного этноса, нации, народа, при этом в случае фольклора все специфически национальное располагается «на уровне

поверхностных структур». История же, в том числе и устная, расставляет акценты иначе: скорее ее интересуют закономерности общие, интернациональные. Таковы ее специфические особенности.

Наконец, в фольклоре «и сказочная, и эпическая традиции создают как бы свой мир, не имеющий прямых аналогий в действительности. Мир этот измыслен коллективной фантазией, он представляет собой преобразованную действительность», отражая особенности бытия определенного народа¹⁸. Однако в исторической науке фантазийно-творческое недопустимо, поскольку ее задача — максимально «очистить» поступившую информацию от наносного, субъективно-эмоционального, и с допустимой точностью выполнить модель событий прошедших. При этом любой ученый-историк понимает личную ответственность за адекватность представленной им реконструкции, так как «хорошо выученные» уроки прошлого будут способствовать благополучию настоящего и будущего. По крайней мере на это нацеливает этика ученого.

Для полноты картины предлагаем ознакомиться с еще одним подходом к пониманию феномена фольклора, на этот раз — с точки зрения его цивилизационного становления. В частности, последняя представлена в работе В. А. Медведевой, по мнению которой фольклорное творчество в процессе трансформации быта «привносит немало фантастического, нереального, обогащает формы вымыслом. Фольклору меньше всего свойственна документальность и строгость в обращении с “источниками”. Напротив, законом для него является творческое переосмысление»¹⁹. Таким обра-

¹⁵ См. там же. С. 597.

¹⁶ См. **К. В. Чистов**. Фольклор. — «Культурология». М., 2007. Т. 2. С. 833.

¹⁷ Там же. С. 836.

¹⁸ Там же. С. 837.

¹⁹ **В. А. Медведева**. Фольклор. — «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». С. 455.

зом, в отличие от фольклора устная история представляет собой такой элемент памяти, который, будучи, как и фольклор, основан на словесной коммуникации, не приемлет в силу своей природы ни фантастического, ни нереального, ни вымышленного, а также отдает предпочтение строгому соответствию тому, что несут источники информации.

Переходя к сопоставлению феноменов устной истории и ритуала, прежде всего обратимся к работе А. К. Байбурина²⁰, в которой ритуал представлен в первую очередь в качестве основного средства контроля и регуляции внутренних и внешних связей коллектива. По мнению автора, для возникновения и функционирования всякого ритуала необходимо, чтобы «в актуальной парадигме смыслов существовало разделение мира на две сферы: свое и чужое. Это деление... актуализируется в ритуале и таким образом входит в область сакрального»²¹.

Далее автор утверждает, что «ритуал, как и всякая аварийная система, включается только в экстремальных, кризисных с точки зрения данного социума ситуациях». Есть еще один не менее значимый момент, суть состоит которого в том, что исключительное положение «в системе семиотических средств, задействованных в ритуале» занимает язык вещей, поскольку «обмен между своим и чужим носил в первую очередь “предметный” характер»²².

Между тем для осуществления коммуникации в формате устной истории дихотомия «свой—чужой» необязательна; основанием для повествования не является кризис (речь идет об основных случаях); обмен

информацией носит словесный, но непредметный характер.

Устная история: социальная значимость

Начнем с того, что любой народ, любая нация успешно развиваются, лишь сохраняя свою национально-культурную идентичность: взаимодействуя с другими народами, обмениваясь с ними культурными ценностями, всякий народ не должен терять своеобразие собственной культуры. В частности, трудно не согласиться, что для прогресса и возрождения духовной культуры требуется возрождение национального самосознания и самоуважения.

Говоря о проблеме формирования народного самосознания или общественного сознания, мы не можем обойти тему духовного основания любой национальной культуры, любой цивилизации, а именно — ее менталитета. В случае русской культуры необходимо учесть, что менталитет россиян исторически закономерно складывался как «сложный, дисгармоничный, неустойчивый баланс сил единства и распада, интеграции и дифференциации противоречивых тенденций национально-исторического бытия русского народа»²³.

Действительно, наша страна в недавнем прошлом пережила коренные изменения в геополитике. Сменились характер государственности, общественно-политический строй, господствующая идеология, а соответственно — действующие нормы морали и ценностные ориентиры. Были пересмотрены общественные авторитеты, а культурный менталитет «стал надламываться изнутри и приобрел во многих случаях амби-

²⁰ См. А. К. Байбурин. Ритуал: свое и чужое. — «Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры». Л., 1990.

²¹ Там же. С. 3.

²² Там же. С. 4, 17.

²³ И. В. Кондаков. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 516.

валентный и проблемно-поисковый характер»²⁴.

Рассматривая в этом контексте феномен устной истории, для начала не будем переоценивать ее возможностей; тем не менее некоторое качественное природное своеобразие устной истории в сложившейся ситуации может сыграть позитивную роль. *Во-первых*, как культурный запрос очевидцев событий прошлого устная история позволяет получить дополнительные каналы получения информации о прошлом, что способно дополнить арсенал как мемуарной культуры, так и культуры мемуара.

Во-вторых, устная история может иметь колоссальное воспитательное значение, поскольку жанр рассказывания априори предполагает наличие обратной связи, то есть реакцию собеседника. В таком случае от организаторов собеседования требуются усилия в создании комфортной для рассказывания обстановки, такого психологического климата, который бы способствовал концентрации внимания рассказчика на реалиях события, за информационную реконструкцию (летопись) которого он ответственен в полной мере. Немаловажно и состояние приемников нового знания: очевидно, их изначальная подготовленность и интерес в данной ситуации необходимы.

Важно учесть, что рассказчиками могут быть не только люди преклонного возраста — носители окопной правды времен Второй мировой, но и сравнительно молодые, например: участники локальных войн или целинники, или участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и др. Наши соотечественники являлись очевидцами значительных событий, проявляли в драматических обстоятельствах мужество, стойкость, ге-

роизм, профессионализм на таком уровне, который имеет полное право стать образцом для подражания. В ситуации ментального кризиса подобные встречи могут оказать мощное цементирующее влияние на распадающееся общество, став одним из оснований для воспитания морально-этических посылов, гуманного, патриотического характера.

В-третьих, представляется возможным использовать ресурс устной истории в качестве не только механизма реконструкции прошлого, но и в качестве механизма политизации этого события; в частности, для формирования ряда аспектов национальной идеи.

О формировании национальной идеи сейчас говорят много, над ее созданием, судя по откликам в СМИ, активно работают в институтах власти. Действительно, вопрос крайне насущный, поскольку (и тут сложно не согласиться), по мнению И. В. Кондакова, «нельзя исключать и того, что мы являемся невольными свидетелями начавшихся процессов прогрессирующего распада не только советской, но и российской цивилизации, а значит, присутствуем при становлении не только постсоветской, но и построссийской цивилизационной системы. ...Наступает... конец не только советской, но и российской цивилизаций, на развалинах которых будет формироваться какое-то иное, неведомое нам цивилизационное единство, которое условно можно назвать «Пост-Россия»»²⁵.

В сложившейся ситуации создание национальной идеи как систематизированного обобщения элементов национального самосознания в его надвременном бытии²⁶, архиважно

²⁴ Там же. С. 526.

²⁵ Там же. С. 527.

²⁶ См. «Современный философский словарь». Под ред. д. ф. н., проф. В. Е. Кемерова. М., 1996. С. 313.

для поддержки целостности народа и страны. И если «сама национальная идея носит вневременной характер, то конкретные формы ее выражения всегда историчны. Так, мы можем проследить временную трансформацию... российского славянофильства... до современных идеологизированных... концепций»²⁷.

Как представляется, социальный заказ со стороны власти на транслирование события в устной форме, качества самого рассказчика — очевидца реальной истории (как представителя феномена устной истории), а также продуманная атмосфера, способствующая более тесной коммуникации со слушателями, что непременно будет усиливать степень эмоционального сопереживания аудитории, способны стать факторами, обеспечивающими максимальную эффективность устной истории как элемента регулирования социальной жизни. Образ события, политизированного посредством форматов устной истории, будет эффективно использован в целях общественной идеологизации.

В-четвертых, приближаясь к пониманию природы устной истории, не можем ли в конечном счете говорить и о таком ее ресурсе, как экологизация и нашей истории, и, в более широком смысле, этически-эстетического в нашем обществе?

По сути своей устная история — это живая традиция, в сохранении которой принимают участие люди, активно связывающие прошлое с настоящим, будучи адаптированными к

тому, что происходит «здесь и сейчас». Очевидно, что, благодаря форматам устной истории, значимость сказанного приобретает дополнительные оттенки, которые в той или иной степени «девальвируются», теряются, как бы размываются при профессиональной литературной обработке. Ведь современные формы коммуникации, отличающиеся колоссальными возможностями, создают ощутимые препятствия на пути поиска информации, позволяющей отличить «относящееся» от «не относящегося», ценное от ненужного, иными словами, теряется авторитет конкретного источника (репутация и т. п.). ...Три компонента коммуникации: информация, сообщение и понимание полностью отделяются друг от друга, вплоть до того,

Современные формы коммуникации создают ощутимые препятствия на пути поиска информации, позволяющей отличить «относящееся» от «не относящегося», ценное от ненужного, иными словами, теряется авторитет конкретного источника...»

что два последних компонента перестают восприниматься как информационные компоненты»²⁸.

В этом контексте форматы устной истории позволяют «оживлять» межчеловеческие отношения не на бытовом, а на событийном уровне, когда речь идет о событиях, значимых для всего народа. Общение с их участниками позволяет как бы «перешагивать»

²⁷ Там же. С. 314.

²⁸ Г. Бехманн. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010. С. 118.

повседневное, суетное, пересматривать личные ценностные установки, поднимаясь над рутинной будничного. Несомненно, благодаря таким встречам, человек обретает новые смыслы земного существования, расширяя горизонты культурной памяти.

Если коммуникативная память есть продукт повседневного, то память иного рода (национальная, коллективная, социальная), в широком смысле — культурная, характеризуется отстраненностью, отдаленностью от повседневности. Она «изначально подразумевает временной горизонт», имея при этом опорные исходные пункты — судьбоносные события прошлого, воспоминания о которых передаются при помощи культуры. Устная история становится чем-то вроде «острова времени»; в культурной памяти такие острова «расширяются до пространства воспоминаний» или «ретроспективной

вдумчивости». Более того, только воспроизводя себя культурно, общество становится понятным не только для себя, но и для других. «Прошлое, которое можно увидеть при передаче знаний и ценностей, коим отдается предпочтение, может многое рассказать о том, что в себе несет конкретное общество и в каком направлении оно развивается»²⁹.

Как показывает опыт прошедшего XX века, человечество крайне сложно налаживает реальный межкультурный диалог. Тем не менее при наличии доброй воли это не мешает стремлению историков к расширению межнациональных и международных контактов, направленных на сближение и понимание. В формате таких отношений моделирование истории становится особо ценным, поскольку выполняет своего рода дипломатическую функцию — функцию послания культур друг другу. ◆

²⁹ Там же. С. 119, 122.